

П. С. КУЗНЕЦОВ

РУССКАЯ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Предмет диалектологии	3
Диалекты и национальные языки	7
Диалекты и литературный язык	16
Диалекты и национальные языки при капитализме	18
Диалекты и национальные языки в СССР	20
Русские диалекты и другие языки	21
Социальные диалекты	22
Транскрипция	23
 Сжатый очерк истории русской диалектологии и обзор основных трудов по диалектологии	 25
 Отличия русского языка от других восточнославянских языков	 32
Русские говоры	41
 Фонетика	 42
Ударение	42
Гласные	43
Удаляемые гласные	43
Безударные гласные	51
Гласные первого предударного слога после твердых согласных	52
Гласные первого предударного слога после мягких согласных	56
Гласные первого предударного слога после шипящих согласных	68
Гласные других безударных слогов после твердых согласных	68
Гласные других безударных слогов после мягких согласных	69
Безударные гласные в начале слова	70
Безударные гласные конечных слогов	71
Согласные	72
 Морфология	 91
Склонение имен существительных	91
Склонение местоимений и прилагательных	100
Творительный падеж множественного числа	106
Глагол	107
Ударение	117
 Синтаксис	 120
Лексика	128

Основные наречия русского языка и группировка русских говоров . 140

Северновеликорусское наречие	141
Группировка северных говоров	143
Южновеликорусское наречие	148
Группировка южновеликорусских говоров	149
Средневеликорусские (переходные) говоры	151
Русские говоры с белорусскими чертами	155
Русские говоры с украинскими чертами	156

Русские диалекты после Великой Октябрьской социалистической революции 157

Местные говоры до и после революции	157
---	-----

Методы изучения диалектов 162

Приложения	170
----------------------	-----

Образцы диалектных записей	170
Примечание к „Диалектологической карте восточнославянских языков в Европе“	180
Примечания к картам атласа	181

Вклады:

Диалектологическая карта восточнославянских языков в Европе;
Аканье и оканье в первом предударном слоге после твердых парных и задненебных согласных (карта 1);
Твёрдое и мягкое *т* в 3-м лице глаголов (карта 141).

Петр Саввич Кузнецов

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Редактор *Г. П. Смолицкая*

Обложка художника *А. И. Щербакова* Редактор карт *К. Ф. Зайцева*

Художественный редактор *Б. М. Кисин* Технический редактор *В. Л. Коваленко*

Корректор *С. М. Березина*

* * *

Сдано в набор 3/XII 1959 г. Подписано к печати 18/III 1960 г. 60×92¹/₈. А03413
11,5 + 0,98 карты. п. л. Уч.-изд. л. 13,33 + 0,69 карт. Тираж 24000 экз.

Заказ 3818. Цена без переплета 2 руб. 65 коп. + карты 55 коп.

Переплет 1 руб. 50 коп.

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

П. С. КУЗНЕЦОВ

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — 1960

ВВЕДЕНИЕ

Предмет диалектологии

§ 1. Диалектологией (от греческого *diálektos* — разговор, говор) называется наука о диалектах, наречиях или говорах какого-либо языка. Задачей русской диалектологии является изучение наречий и говоров русского языка.

Под территориальными диалектами, наречиями и говорами какого-либо языка понимают различные разновидности данного языка на определенной территории, характеризующиеся, помимо черт, свойственных всему этому языку в целом, также некоторыми своими специфическими чертами.

Говором обычно называют самую мелкую, далее неделимую разновидность языка. Совокупность говоров, обладающих некоторыми общими признаками, представляющая в то же время лишь часть данного языка, называется наречием. Термин «диалект» употребляется как в значении говора, так и в значении наречия.

Некоторые лингвисты употребляют термин «диалект» в специальном, более узком значении: под диалектом понимают некоторую совокупность говоров, характеризующуюся общими для этих говоров чертами, но меньшую, чем наречие. В состав одного наречия может входить несколько диалектов (в таком понимании этого термина). Впрочем, такое употребление термина «диалект» не является общепринятым.

Изучение говоров различных территорий, населенных русским народом, дает очень важный материал для истории русского языка, так как в говорах во многих случаях сохранились явления, литературным языком давно утраченные. Так, например, в некоторых говорах на месте свойственного русскому литературному языку гласного *е* имеется два гласных, один из них в общем такой же, как литературное *е*, другой — более закрытый, произносимый с более высоким подъемом языка (в транскрипции он изображается как *ě*). Так, например, в словах *отец* и *хлеб* в литературном языке под ударением произносится один и тот же гласный, а в соответствующих говорах *отец* произносится с обычным *е*, а *хлеб* — с более закрытым *е'*, как *хлѐб* (иногда даже с дифтонгом, т. е. с неоднородным гласным — *хлиѐб*). Закрытое или дифтонгическое *ě* в этих говорах произносится обычно там, где по старой, дореволюционной орфографии принято было писать *ѣ* (до революции писали „отецѣ“, но „хлѣбѣ“). Особый гласный, орфогра-

фически изображаемый как ѣ, существовал некогда и в московском говоре, что отразилось в правописании старинных московских памятников. Однако в этом говоре ѣ давно уже исчез (ученые спорят, когда именно, но во всяком случае не позднее начала XVIII в.), в некоторых же говорах он сохранился и до сих пор.

Другой пример. Существительное *свекровь* в литературном языке имеет одинаковую форму в именительном и винительном падежах единственного числа, а в целом склоняется по 3-му склонению (т. е. как *кость*). В говорах же некоторых местностей, расположенных к югу от Москвы, именительный падеж этого слова звучит *свекръ* (фонетически обычно *свякръ*), а винительный — в части говоров также *свякръ*, в части же — *свекровь* (фонетически *свикрѡу*, *свякрѡу*). Это слово представляет собой остаток особого склонения, вообще в русском языке исчезнувшего. К этому склонению принадлежали в древности некоторые существительные женского рода — *свекровь*, *церковь*, *морковь*, *тыква*, *кровь* (им. пад. *крь* в древнерусском языке не засвидетельствован, но косвенные падежи этого слова, употребляющиеся в древнерусских памятниках, указывают на то, что данное слово шло по этому склонению) и др., перешедшие затем частью в наше 3-е, а частью в наше 1-е склонение. В говорах слово *свекры* является единичным обломком этого склонения. Принадлежавшее некогда к этому склонению *ятръ* (жена брата мужа) древнюю форму не сохранило. Кое-где по говорам мы встречаем слово с тем же значением и содержащее тот же корень, но с иной словообразовательной структурой и склоняющееся по 1-му склонению — *ятрѡвка*.

Уже эти примеры показывают, какое большое значение имеет диалектология для изучения истории русского языка. Данные, извлекаемые из письменных памятников, во многих случаях получают более полное и точное освещение, если они подкрепляются и дополняются данными современных русских говоров.

Различные особенности местных говоров объясняются исторически. Определенными историческими причинами объясняется в одних случаях диалектная пестрота, наличие на сравнительно небольшой территории многочисленных, различных, порой сильно отличающихся друг от друга говоров, в других случаях, напротив, однородность говора на достаточно обширной территории. В силу этих обстоятельств изучение говоров любого языка позволяет лучше понять историю народа, говорящего на данном языке. Сопоставление данных памятников и говоров дает возможность получить более полную картину исторического развития русского языка.

Знание фактов диалектологии очень важно для полного понимания многих художественных произведений как старой, классической, так и советской литературы. Писатели XIX—XX вв. широко пользуются диалектизмами, т. е. элементами языка, взятыми из говоров, когда передают речь действующих лиц, происходящих из различных мест, а порой и в собственной, авторской речи (особенно, когда дают описание местного быта, местного ландшафта). И. С. Тургенев хорошо знал говоры Центрально-Черноземной полосы: орловские, курские,

тульские. „В Орловской губернии последние леса и *площадь*, — пишет он в „Хоре и Калиныче“, — исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет...“ и делает примечание к слову *площадь*: „Площадями“ называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. Орловское наречие отличается вообще множеством своеобразных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов“. Здесь мы имеем дело с необычной формой множественного числа (от существительного женского рода на мягкий согласный образуется множественное число на *-а*, после мягкого согласного — орфографически *-я*). Но такая форма множественного числа вообще характерна для наших южных говоров (так же *крепостя* — „крепости“, *податя* — „подати“ и т. д., ср. также проникшее из говоров в литературный язык *зеленя*, употребляющееся в особом значении множественное число от *зелень*). Кроме того, существенно обратить внимание и на иное сравнительно с литературным языком значение этого слова. Оно в таком значении употребляется и в единственном числе. Ср. в „Бежином луге“: «Быстрыми шагами прошел я длинную „площадь“ кустов...» (кавычки при слове *площадь* даны Тургеневым). В „Бежином луге“ Тургенев так передает речь Илюши: «Кругом всё такие буераки, овраги, в оврагах всё *казюли* водятся». И делает примечание к слову *казюли*: „По орловскому: змеи“. Можно было бы привести еще много примеров, говорящих о хорошем знакомстве Тургенева с южными русскими диалектами.

Некрасов хорошо знал родной ему ярославский говор. Так, в „Размышлении у парадного подъезда“ мы читаем:

Вьдь на Волгу: чей стон раздается

Над великою русской рекой.

Этот стон у нас песней зовется —

То *бурлаки* идут бечевой...

Ударение *бурлаки* (вместо литературного *бурлак*) — это не просто поэтическая вольность, вызванная требованием стихотворного размера (хорошие поэты не уродуют слова в угоду размеру), но в ярославских, а также некоторых других приволжских говорах (костромских, горьковских) эта форма действительно так произносится. Существительные с суффиксом *-ак* во множественном числе сохраняют там ударение на *а*: *рыбаки*, *моряки* и т. д.

Отмеченное выше *бурлаки* мы встречаем с таким ударением и в прозе, у П. И. Мельникова-Печерского: „Волга под боком, но заволжанин в *бурлаки* не хаживал. Последнее это дело в *бурлаки* идти!“ („В лесах“). Хорошо знакомый с говорами Среднего Поволжья (главным образом бывшей Нижегородской губернии, ныне Горьковской области), Мельников-Печерский широко использует диалектные элементы не только при передаче речи действующих лиц, но и в авторской речи, причем специально отмечаем ударение, если оно не соответствует нормам литературного языка.

Широко используют диалектизмы как при передаче речи действующих лиц, так и в собственной речи (главным образом для выражения особенностей местного быта, ландшафта) и писатели советской эпохи. В качестве примера можно указать Шолохова,

который как в „Тихом Доне“, так и в „Поднятой целине“ охотно пользуется элементами диалектной речи донского казачества. Ср., например: *«Гутарили* про него по хутору чуднбе; Григорий пришел с игрищ после первых *кочетов*; Он ехал куцым *намётом*» («Тихий Дон», примеры взяты из авторской речи); *«Чтоб с базу ни шагу!..; Нутрё застудишь...; Пусти, а то зашумлю; А приваду, маманя, варила?»* (там же, примеры из речи действующих лиц). *Гутáрить* в значении „говорить, разговаривать“ широко распространено в южно-великорусских говорах, в том числе и в донских, также и *кбчет* в значении „петух“. *С базу* интересно в двух отношениях: во-первых, слово *баз* в значении „двор“ распространено в донских говорах; во-вторых, род. пад. ед. ч. на -у в говорах шире распространен, чем в литературном языке. По говорам некоторые существительные среднего рода, принадлежавшие в прошлом к твердой разновидности склонения (и продолжающие принадлежать к ней в литературном языке), перешли в мягкую разновидность; к ним принадлежит и *нутро* (по говорам *нутрё*). Иногда в говорах встречаются те же слова, что в литературном языке, но с другим значением, ср.: *шуметь* в значении „кричать“. Существительное *маманя* в значении „мама“ отличается от литературного языка в словообразовательном отношении (суффикс -аня в названиях родства, особенно в обращении, например: *маманя, батаня, бабаня* — распространен в некоторых южных говорах, и в частности в донских).

Из сказанного ясно, что для полного понимания художественного произведения и для объяснения всех его особенностей ученикам учитель-словесник должен владеть элементами диалектологии.

Изучение русской диалектологии представляет большой практический интерес и для преподавателя русского языка. Одной из основных задач этого преподавания является развитие у учащихся культуры устной и письменной речи. Но нельзя научить учеников правильно выражать свои мысли литературным языком и орфографически правильно писать, если преподаватель не дает себе ясного отчета в том, какие местные особенности могут отразиться в речи учащихся.

Приведем пример. У некоторых учеников в школе дер. Новоселки Рыбновского района Рязанской области были отмечены ошибочные написания типа *Турвенеv* вместо *Тургенеv* (фамилия писателя). Если учитель не поймет причин этой ошибки, он не найдет и скорейшего пути к ее исправлению и предотвращению в будущем. Ошибка же эта объясняется тем, что *з* используется в нашей орфографии как „знак-отделитель“ между согласной и гласной буквой, он обозначает, что гласную букву нужно произнести как сочетание *й* с последующим гласным звуком. В большинстве говоров Рязанской области произносится не взрывное *з*, а фрикативное (в транскрипции оно изображается *ʝ* — см. ниже, § 45). Но в положении перед гласными переднего ряда (к которым, как известно, принадлежит и *е*) *ʝ* фрикативное, приобретая более переднюю артикуляцию, сближается с среднеязычным звонким фрикативным согласным *й* (или в транскрипции *j*). Отсюда произношение *Турйенеv*, что ученики передали на письме как *Турвенеv*.

Диалекты и национальные языки

§ 2. Почти каждый народный или национальный язык включает в себя различные диалекты или говоры. В языкознании принято различать диалекты территориальные (местные) и социальные. Под территориальным диалектом или говором принято понимать диалект или говор, свойственный населению какой-то местности; под социальным же говором или диалектом — говор или диалект какой-либо общественной группы (в том числе и представителей какой-либо профессии).

В настоящем курсе предметом изучения являются территориальные (местные) говоры. Различные диалекты или говоры одного языка, содержа некоторые черты, общие для всего языка в целом, в то же время могут отличаться друг от друга и в фонетическом, и в морфологическом, и в синтаксическом, и в лексическом отношении. В этом отличие территориальных диалектов от социальных, которые обычно пользуются звуковой системой, грамматическим строем и словарным составом литературного языка или какого-либо территориального диалекта и отличаются лишь некоторыми элементами словаря — использованием специальных терминов, особых фразеологических оборотов, частотой употребления тех или иных синтаксических конструкций (но не использованием каких-то конструкций, которых вообще не знает литературный язык или какой-нибудь территориальный диалект)¹.

Наиболее мелкой, далее неделимой разновидностью языка, как уже было сказано, является говор (имеются в виду территориальные говоры). Территория, охватываемая одним говором, по своей величине может быть очень различна. В одних случаях говор, во всех отношениях однородный, охватывает обширные пространства. Это мы наблюдаем, например, применительно к русским говорам, во многих местах на крайнем севере Европейской части СССР. В других случаях говор может ограничиваться одной деревней, и уже говор соседней деревни кое в чем отличается от данного говора. Бывает даже, что несколько по-разному говорят жители различных концов одной деревни. Это наблюдается, например, в некоторых областях к югу от Москвы.

Говоры или диалекты одного языка могут отличаться друг от друга в различной степени. Русские диалекты в целом представляют достаточно тесное единство — различия даже между наиболее далекими друг от друга диалектами сравнительно невелики. Так, например, житель Архангельской и житель Курской области легко поймут друг друга, даже если каждый из них будет говорить не на литературном языке, а на своем родном говоре. Во многих языках Запада и Востока (например, в немецком, французском, итальянском, китайском) различия между диалектами значительно глубже.

Однако в русском языке при наличии большого количества черт, общих всему языку, некоторые говоры могут различаться чертами, относящимися к любой стороне языка (к фонетике, морфологии, син-

¹ О социальных диалектах подробнее см. ниже § 12.

таксису, лексике). В других же случаях различия между говорами совсем незначительны. Два соседних говора могут быть почти однородны и отличаться друг от друга лишь какой-нибудь одной фонетической чертой, например одному свойственно *ш* долгое твердое, а другому мягкое (как в литературном языке).

В настоящее время у нас имеется единый русский литературный язык, но наряду с ним еще существуют многочисленные местные говоры, которые могут кое в чем отличаться от него, хотя и подвергаются, его влиянию.

Существующие иные черты, отличающие русские говоры (как впрочем, и говоры любого языка) друг от друга и от литературного языка, сложились исторически и восходят к разным эпохам. Для того чтобы понять современное состояние говоров, их отношения между собой и к литературному языку, необходимо вкратце проследить их историю. Поскольку, как известно, история языка неразрывно связана с историей общества, с историей народа, говорящего на данном языке, история образования и развития говоров должна быть рассмотрена в связи с историей нашего народа в курсах истории русского языка (т. е. исторической грамматики и истории русского литературного языка).

Следует сказать, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных этому вопросу, он до сих пор еще находится в процессе разработки, и по многим частностям мы должны довольствоваться гипотезами, более или менее вероятными.

§ 3. Современный русский язык принадлежит, как известно, к восточнославянской группе славянских языков. К восточнославянской группе, кроме русского языка, относятся близкие к нему и тесно связанные с ним по происхождению языки украинский и белорусский. Но возникновение всех этих языков (русского, белорусского и украинского) в их современном виде относится к сравнительно поздней эпохе. В эпоху, предшествующую появлению на Руси письменности и литературного языка, не было еще ни одного из этих трех языков, но на территории, где впоследствии складываются эти языки, были расположены многочисленные славянские племена, говорившие на очень близких друг к другу восточнославянских наречиях. Совокупность этих древних восточнославянских наречий называют древнерусским языком, поскольку расположены они были на той территории, где впоследствии сложилось Русское государство, термины же „Русское государство“, „Русь“ применялись в древности в равной мере как к собственно русским (в нашем смысле слова, т. е. „великорусским“) землям, так и к землям впоследствии белорусским и украинским. Так, центром древнего Русского государства был, как известно, Киев, впоследствии столица Украины. Следовательно, нужно иметь в виду, что термин „русский“ по отношению к древнерусскому языку мы применяем в ином смысле, чем по отношению к современному русскому языку, поскольку этот древний язык является источником не только современного русского, но и современного белорусского и украинского языков.

В отношении общественно-экономическом древние восточно-славянские племена находились на ступени первобытнообщинного строя. В языковом отношении каждое из этих племен характеризовалось своим, присущим ему диалектом (наречием). Как уже было сказано выше, все эти наречия были очень близки друг к другу, а также к другим древним славянским наречиям (южнославянским, западнославянским).

Эта близость представляет собой, как принято говорить в языкознании, языковое родство, т. е. является результатом развития всех указанных наречий из единого источника, а именно из некогда существовавшего единого общеславянского языка.

Славяне на определенной ступени своего развития (именно в эпоху разложения первобытнообщинного строя) образовывали племенные союзы. Византийские источники указывают нам на совместную деятельность племенных союзов восточных и южных славян, еще в VI в. н. э. боровшихся с Византийской империей. Совместная деятельность племен, входивших в племенной союз, несомненно, облегчалась тем, что в состав этих союзов входили племена, говорившие на близко родственных наречиях, представители которых все без труда могли понимать друг друга, тесные связи же, существовавшие между этими племенами, в свою очередь способствовали поддержанию языковой близости.

С переходом восточных славян к классовому обществу (в IX—X вв.) и с образованием Русского государства с центром в Киеве связано формирование древнерусской народности. Языковой единицей становится диалект области, тяготеющий в экономическом и политическом отношении к определенному городскому центру (такие центры развились из торговых стоянок, существовавших еще в эпоху первобытнообщинного строя), впоследствии же, с развитием феодализма, диалект феодального княжества. Эти областные диалекты во многих случаях представляют собой дальнейшее развитие тех же племенных диалектов, которые существовали на территории, занятой восточными славянами еще в эпоху первобытнообщинного строя, так как города возникают на территории определенных племен (например, Новгород в земле словен, Киев — в земле полян и т. д.), а область, тяготеющая к данному городскому центру, в большинстве случаев являлась первоначально областью, заселенной определенным племенем. Но в то же время с переходом от племенных диалектов к областным диалектам феодальной эпохи была связана и некоторая языковая перегруппировка. В некоторых случаях на территории данного племени складывалась не одна, а несколько областей с различными городскими центрами. Так, например, Смоленск и Псков возникли на земле кривичей, а между тем древнее смоленское и древнее псковское наречия эпохи феодализма значительно отличались друг от друга, по крайней мере в фонетическом отношении. С другой стороны, в состав Суздальской земли, тяготевшей к древним центрам — Ростову и Суздалю, вошли в основном потомки кривичей, но сюда же примкнула и северная часть потомков вятичей.

§ 4. На протяжении XIV—XV вв. в силу определенных исторических причин на основе единой древнерусской народности формируются народности украинская белорусская и великорусская, а на основе различных диалектов древнерусского языка вырабатываются языки украинский, белорусский и великорусский, или русский в современном смысле слова.

Древнее Киевское государство было государством в целом слабо централизованным. Еще слабее была связь между различными областями в последующий период феодальной раздробленности (XII—XIII вв.). Разобщенность различных земель была усилена монгольским нашествием (середина XIII в.) и последующей зависимостью большей части Руси от Золотой Орды. В особенности была нарушена непосредственная связь между юго-западом (где впоследствии формируется украинская народность и украинский язык) и северо-востоком (где впоследствии формируется великорусская народность и великорусский, или русский в современном смысле, язык).

Эта разобщенность имела следствием усиление диалектных различий в различных областях распространения древнерусского языка, появление новых диалектных черт, отличавших друг от друга различные наречия этого языка. Впрочем, сознание единства русской народности, сознание единства ее культуры у восточных славян никогда не прекращалось, о чем имеются многочисленные свидетельства в древнерусской литературе.

Приблизительно с XIV в. начинается объединение русских земель северо-востока, обусловленное их экономическим развитием и потребностями защиты от иноземных захватчиков (поскольку процесс этот протекает медленно, постепенно, временные границы, определяющие его начало и завершение, могут быть указаны, конечно, лишь приблизительно). Центральное ядро этого объединения образует Ростово-Суздальская земля. На ее территории возникла и Москва, которая вскоре становится политическим, экономическим и культурным центром нового Русского государства. В состав этого государства постепенно включаются земли, расположенные к югу, западу и северо-западу от Москвы.

Несколько раньше на западе начинается возвышение Литовского княжества. Литовские князья захватывают западную, а в дальнейшем и юго-западную часть территории, занятой восточнославянской или древнерусской народностью. Другая часть этих земель рано вошла в состав Польши. Впоследствии, в результате объединения Литвы с Польшей (XVI в.), западная и юго-западная часть территории, занятой потомками древнерусской народности, оказывается в составе Польского государства.

Указанными выше историческими причинами и обусловлено образование на основе различных диалектов древнерусского языка трех современных восточнославянских языков.

Древнерусские диалекты, оказавшиеся на территории Русского государства с центром в Москве, сохранившие достаточную близость друг к другу с давних времен, начинают жить общей жизнью. При

всех различиях, которые еще продолжают сохраняться между ними, в них вырабатываются некоторые новые общие черты, отличающие их в то же время от тех восточнославянских наречий, которые остались за пределами нового Русского государства. Дialectы, развивающиеся на территории этого последнего, и образуют великорусский, или русский (в современном смысле слова), язык, являющийся языком великорусской народности. На основе же восточнославянских диалектов, оставшихся за пределами Русского государства, формируются два других восточнославянских языка — украинский и белорусский. Образование на территории Литовского княжества двух, а не одной восточнославянской народности и двух, а не одного восточнославянского языка объясняется значительной разобщенностью различных земель, разным временем включения их в состав княжества.

Лишь долгое время спустя украинцы и белорусы воссоединились с родственным им русским народом — часть украинцев во второй половине XVII века (в результате воссоединения с Россией Левобережной Украины, т. е. Украины по левому берегу Днепра и Киева), другая часть украинцев и белорусов в второй половине XVIII века (в результате двух последовательных разделов Польши воссоединяется с Россией большая часть Правобережной Украины и Белоруссия). Окончательное воссоединение всего украинского и всего белорусского народа с русским произошло лишь в результате включения западно-украинских и западно-белорусских земель в состав СССР после Великой Отечественной войны.

Географические границы русского, белорусского и украинского языков нашего времени в известной мере отражают условия их формирования. Граница русского и белорусского языков не может быть определена вполне точно. На территории, занятой русским языком, прилегающей к территории белорусского языка, имеется большое количество русских говоров, содержащих некоторые белорусские черты и образующих как бы постепенный переход от русского языка к белорусскому (об этих говорах см. ниже, § 139). Граница же между русским и украинским языком на большей части своего протяжения может быть определена вполне точно. Лишь кое-где имеются небольшие островки русских говоров, содержащих некоторые украинские черты, да и то эти черты представлены в гораздо меньшем количестве, чем белорусские черты в русских говорах, образующих переход к белорусскому языку.

Это объясняется тем, что территория к западу от Москвы (например, Смоленская земля) постоянно служила предметом борьбы между Русским государством и Литовским княжеством. Эти земли неоднократно переходили из рук в руки, они входили в состав то Литовского княжества, то Русского государства. Поэтому на протяжении веков здесь и вырабатываются говоры, образующие постепенный переход от русского языка к белорусскому.

Граница русского и украинского языков, проходящая по югу Курской, Белгородской, Воронежской, по западу Ростовской области, лежит большей частью в районах нового заселения. В эпоху монголь-

ского нашествия эта полоса подверглась опустошению, вследствие чего имел место значительный отлив населения из этих районов, хотя, по данным исследований последнего времени¹, полностью эти места не обезлюдели, как полагали историки ранее. Позднее, после разгрома Золотой Орды, эта территория в значительной мере заселялась вновь с разных сторон русскими и украинскими выходцами в то время, когда русский и украинский языки уже вполне сложились как особые самостоятельные языки.

Подобно тому как не может быть вполне точно проведена граница между русским и белорусским языками, не может быть проведена такая граница и между белорусским и украинским языками. Здесь также (на юге белорусской, на севере украинской территории) имеется большое количество говоров, образующих постепенный переход от белорусского языка к украинскому.

§ 5. Со временем, в процессе все дальше идущей экономической и политической концентрации, великорусская народность перерастает в русскую нацию, с чем связано и развитие языка великорусской народности в русский национальный язык. Образование русской нации имело место примерно в XVII в., когда в связи с развитием товарного обращения складывается всероссийский рынок. На это указывает В. И. Ленин в своей работе „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“. В этой работе В. И. Ленин, полемизируя с Михайловским, рассматривает процесс образования русской нации и указывает на то, что связи национальные, объединяющие нацию, не являются продолжением родовых связей (а на них были основаны отношения внутри племени), причем эти родовые связи были нарушены еще в предшествующий, феодальный период (ср. то, что было сказано выше относительно языковой перегруппировки, имевшей место при переходе от первобытнообщинного строя к классовому обществу). „Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси,— говорит Ленин,— то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их про-

¹ С. И. Котков, К изучению орловских говоров, Орел, 1952.

должением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

К этому времени, т. е. к концу XVII в., образование основных наречий и говоров русского языка было, по-видимому, уже закончено. Конечно, некоторые процессы имели место и в дальнейшем, менялись в определенных случаях диалектные границы, но все они носили иной характер, чем раньше, и должны быть рассмотрены особо в связи с вопросом об отношении диалектов к литературному языку, о чем ниже (см. § 7).

§ 6. Образование современных восточнославянских языков и их наречий и говоров, по-видимому, связано было с некоторой перегруппировкой древневосточнославянских или древнерусских наречий, которая полностью еще не исследована, но относительно которой уже теперь могут быть выдвинуты более или менее вероятные гипотезы. Из представителей старого русского языкознания наиболее детально гипотезу образования восточнославянских языков и их наречий разработал акад. А. А. Шахматов. Согласно его воззрениям, древневосточнославянские наречия распадалась первоначально на три группы племенных наречий: северную, занимавшую побережье озер Ильменя, Чудского и Псковского, среднее и верхнее течение Западной Двины, верховья Днепра и верховья Волги; южную, занимавшую побережье Днепра (кроме самых верховьев) и пространства на запад от Днепра (теперешнюю Волинь и Галицию), доходя до Дуная; восточную, занимавшую верховья Оки (представители этой группы, по мнению А. А. Шахматова, переселились сюда с юга-востока, с низовьев Дона и с Северного Кавказа). Каждой из этих групп А. А. Шахматов приписывает одну языковую (собственно, фонетическую) черту, отличающую ее от остальных групп. Эти черты, определяемые Шахматовым частью на основании отражения их в памятниках той эпохи, когда на Руси уже была письменность, частью на основании отражения этих черт в современных говорах, следующие: цоканье (см. § 57) для северной группы, фрикативное *г* (см. § 54) для южной, аканье (см. § 71) для восточной группы. Современный украинский язык, по Шахматову, сложился на основе наречий большей части южной группы; современный белорусский язык — на основе северной части наречий южной группы, части восточной группы и некоторых наречий вообще не восточнославянского, а западнославянского происхождения (Шахматов считает, что некоторые из племен, которые обычно считаются восточнославянскими, в действительности имеют западнославянское происхождение); современный же русский язык — на основе наречий северной и большей

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 1, стр. 137—138.

части восточной группы. При этом наречия северной группы легли в основу современного северного русского, или северновеликорусского, наречия (см. § 118), наречия восточной группы, вошедшие в состав русского языка, легли в основу современного южного русского, или южновеликорусского, наречия (см. § 126). Эти два наречия являются двумя основными наречиями современного русского языка. Между ними узкой полосой тянутся среднерусские, или средневеликорусские переходные, говоры (см. § 132), к которым, в частности, принадлежит и московский, образуящие как бы промежуточную зону между этими двумя наречиями. Эти говоры, по Шахматову, не соответствуют никакому древнему делению и сложились в более позднее время на стыке между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями в результате влияния южновеликорусских говоров на северновеликорусские.

В гипотезе Шахматова есть некоторые вполне приемлемые для нас положения. К ним принадлежит мысль о более позднем образовании современных восточнославянских языков сравнительно с образованием основных наречий, входящих в состав русского языка. Действительно, все основные отличия русского языка от других восточнославянских (см. § 14—17) имеют довольно позднее происхождение и во всяком случае более позднее, чем некоторые особенности, которыми различаются северновеликорусское и южновеликорусское наречия. Так, например, характерные для белорусского и украинского языков долгие мягкие согласные в соответствии с русскими сочетаниями „согласный + j“ возникли не раньше XIV в.; характерная для русского языка и отсутствующая в белорусском и украинском форма именительного падежа множественного числа на -а у имен не среднего рода (*городá* и т. п.) возникла не раньше XV в. Между тем такие черты, как характерное для южновеликорусского наречия аканье (при оканье в северном наречии, см. § 71), характерное для южновеликорусского наречия г фрикативное (при г взрывном на севере) и др., имеют, несомненно, более древнее происхождение.

Верной является и мысль Шахматова о сравнительно позднем образовании средневеликорусских переходных говоров. Совершенно очевидно, что они могли сложиться лишь в эпоху после образования крупного централизованного государства, которое создало условия совместной жизни для населения с северновеликорусским и южновеликорусским наречиями.

Но гипотеза Шахматова в целом подвергается серьезной критике в советском языкознании. В последние годы этой критике были посвящены различные работы Р. И. Аванесова, который вместе с тем высказывал и некоторые свои соображения, опирающиеся на собранный за последнее время обильный диалектный материал, который, понятно, Шахматову не мог быть известен.

Прежде всего Шахматов не учитывает той перегруппировки, которая имела место после разложения первобытнообщинного строя и образования княжеств эпохи Киевского государства и последующей феодальной